

ИГОРЬ САВЧЕНКО

1997 N25

ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ

1. Фотография, снятая со слишком большой экспозицией.
2. Фотография, снятая со слишком малой экспозицией.

В обоих случаях пленка подверглась действию энергии света и, следовательно, событие фиксировалось, и сам акт фиксации состоялся. Пленка проявлена. И только неизбежные технические ограничения не позволяют "вытащить" зафиксированное событие "из" пленки, выявить, продемонстрировать его. Но образ его, тем не менее, есть, он существует (...а существует ли?). При печати образ этот также передается бумаге, он существует и в отпечатке. Но даже если это и не так (а вполне может быть, что ничего и не фиксируется на пленке при недо- или пере- экспозиции), даже если это и не так, то главное происходит в воображении зрителя, когда он смотрит на эти два отпечатка. И в одном, и в другом отпечатке может содержаться все. Эти два отпечатка ограничивают и содержат в себе весь возможный спектр фотоизображений, все, что угодно.

Все содержится в черном и все содержится в белом отпечатке. Ибо любая фотография, любое изображение, любое представление способно родиться в воображении зрителя, когда он знает, что это - отпечаток с фотопленки, которая подверглась действию света (пусть даже слишком слабому или слишком сильному), на которую хотели зафиксировать какое-то событие. И даже если акт фиксации и не состоялся технически (а может все-таки и состоялся?), он состоит в воображении зрителя.

Главное - не изображение, как таковое, а контекст его существования, контекст его получения; главное - не изображение, а обстоятельства съемки и последующее толкование. Главное - толкование, комментарий к изображению, и то, что затем появляется в воображении зрителя (вся цепочка представлений, ассоциаций; череда событий и нет...). Черный отпечаток и белый отпечаток - универсальные, все в себе содержащие фотографии, ибо не ограничен спектр всех возможных представлений, ассоциаций, событий и т. п., рождающихся в голове у зрителя. Но может главное - не в этих конкретных представлениях, а в возможности их появления. Главное - не эта череда событий и картинок, могущих предстать в воображении зрителя, и даже не эта череда его (зрителя) ассоциаций, череда возможных событий и обстоятельств, которые могли по представлению зрителя сопутствовать моменту съемки, предшествовать или следовать за ним. Да, - даже не эта реконструкция события съемки и его пред- и после- истории. Пожалуй, главное - то, что эти черный и белый отпечаток могут индуцировать, инициировать такую реконструкцию неограниченно, универсально, неконкретно.

... Но в таком случае необязательно выставлять бумажные отпечатки, можно и негатив, а еще лучше - непроявленные фотопленки. При этом надо указать дату съемки (если она известна) - по-разному будут восприниматься пленки, отснятые в прошлом и в наше время. Интересен вариант, когда неизвестно точно - а была ли вообще отснята эта пленка.

... Пленка отснята, но еще не проявлена. И по каким-то причинам она подвергается засветке - осознанно ли, случайно ли... Кто это сделал, почему, зачем, как он это сделал, что чувствовал в тот момент? И вот зритель видит эту засвеченную пленку... Что-то на ней было запечатлено, а теперь уничтожено. В любом случае это нечто - было неповторимым. Что чувствует человек,

глядя на такую пленку и осознавая все это? Разная реакция будет при различных вариациях дат съемки и засветки, а также, когда эти даты неизвестны, и, тем более, если вообще неизвестно - отснята ли пленка, засвечена ли она.

Фотопленка... Материальная субстанция, чувствительная к энергии света, способная стать документом события, документом чувства. Будучи отснятой, фотопленка приобретает чрезвычайно высокую ценность - она зафиксировала неповторимые события (независимо от того - что снималось, как, кем, когда, где; независимо от общественной или иной значимости, важности тех событий, что фиксировались на пленке: официальная церемония, любительская съемка, портрет в профессиональной студии, реклама и т.д. - все неповторимо).

Но специфическая особенность фотопленки - необходимость ее проявления. До того же - событие вроде бы и зафиксировано, но... Существует ли оно только в памяти его свидетелей и участников, или оно уже запечатлено и еще на каком-то другом материальном носителе - фотопленке? Только фотопленке присуще наличие такого промежуточного времени (от съемки до проявления), когда событие зафиксировано, но еще недоступно для просмотра, для демонстрации - для использования.

Это - поистине ценнейший промежуток времени. Промежуток неявного существования, этаким двойственной жизни зафиксированных событий. И в этот момент жизнь эту можно прервать, и сделать это (технически) очень просто - не нужно никаких дополнительных приспособлений и устройств, - только выставить пленку на свет, только открыть кассету или развернуть черную бумагу... Но это очень не просто - в другом смысле. Человек получает в свои руки неограниченную власть над событием, документом (жизнью?). Он вполне его уничтожить (прервать ее...) в момент неявного существования, да еще и не зная точно, и так и не узнав никогда - что там на непроявленной-то пленке. Когда человек осознает это (свою власть и то, над чем он эту власть имеет), и ему предоставлена свобода выбора - каков будет этот выбор?..

ЛАНДШАФТ, КОТОРЫЙ ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ МИНУТ БУДЕТ СФОТОГРАФИРОВАН С ЭТОЙ ТОЧКИ, КОГДА...

...когда начнет накрапывать мелкий дождь, а собаки из ближней деревни, и так едва слышные в сгущающихся сумерках, стихнут вовсе. Когда над этим лугом тенью скользнет большая птица; в лесу у дороги хрустнет ветка, и черная корова поднимет голову. Когда солнце зайдет за горизонт так глубоко, что свету будет уже совсем трудно добираться сюда. Когда ветер прошелестит в еще зеленых листьях, умчится к озеру, зарывив его холодное зеркало; потом передумает, повернет обратно и, оглябая эти деревья, принесет к самой кромке леса запах озерной тины; после затеряется где-то в лесу, и корова опять примется за траву.

Тогда он не сможет не нажать спуск затвора.

Свет из своего далека еще услышит этот звук, отразится от сплошного поля облаков и, скользнув по озеру, устремится в объектив его камеры, наталкиваясь по пути на столбы, коров, путаясь в проводах, кронах деревьев и теряя силы в густой траве. Когда он конусом наконеч ударит в переднюю линзу и начнет погружаться в мерцающую глубину этого шестилинзового анастигмата, шторки затвора, бывшие только что тугим рулоном, уже будут раскручиваться, еще не вполне веря в свою свободу. И к тому самому моменту, когда световой поток упруго заполнит собой весь просвет объектива, предоставленный

диафрагмой, шторки, дрожа под напором света, подойдут к правому краю кадрового окна и разомкнутся узкой вертикальной щелью, в которую - двинувшись вдоль длинной стороны кадра - и прорвется первый луч, тут же выплеснув свою долю изображения на вязкую эмульсию фотопленки, жадно поглощающую всю лучистую энергию.

Бег этой щели будет не слишком стремительным - несколько долей секунды - и этого хватит, чтобы уловить дрожание его рук и дать возможность световому столбу, не совсем плотно охваченному внутренней поверхностью объектива, слегка покачиваться и касаться самых потаенных мест, оставшихся нетронутыми.

Дойдя до левого края кадровой прорези, пока изображение, извергаемое световым потоком, не покроет всю отведенную ему полосу пленки, щель, утомленно подрагивая, сомкнется, еще помня этот напор, столь сладостно ощущавшийся ее стенками. Свет, отдавший всю свою энергию, обесиленный, тихо погаснет в разом стемневшей глубине объектива, продолжив себя только-что зародившейся жизнью фотографического изображения, еще скрытого в недрах пленки.

От звука сработавшего затвора корова снова поднимет голову и догадается в чем дело. Сорока с самой верхушки своего дерева перехватит ее взгляд, тоже все поймет и, готовая разнести весть об этом по всему окрестному лесу, уже откроет клюв, но, спохватившись, тихо улетит в ту сторону, где солнце, неотвратимо скатываясь все глубже за горизонт, будет знать обо всем, - знать и даже наблюдать в отражении - правда, не совсем четко - на том же экране сплошных облаков. Впрочем, все это ничуть не тронет солнце - таким привычным и заурядным будет оно для светила. Ветер же...

Ветер вернется из глубин леса и бережно коснется камеры, желая проверить не показалось ли ему и действительно ли уже свершилось то, о чем много раз думал тот кленовый лист; думал и всю свою жизнь знал, но никому не говорил - даже самому клену, - что это и будет главным итогом. Что только через его - листа - жизнь все то невообразимое множество событий и жизней, которое и привело к его появлению на свет, сможет воплотиться в том, что должно будет произойти этим вечером. Один ветер будет знать эту тайну листа - еще с той их первой весенней встречи, которая и запомнится ветру, когда он несколько раз перевернет этот лист, уже сорвавшийся с ветки, выбирая какой стороной уложить его в траву.

Лист некоторое время еще будет пытаться узнать - что же дальше? - но ничего кроме смутных образов не выяснит и успокоится. Зато нечто будет известно пауку, чья паутина задрожит под ветром, уносящимся прочь от клена на другой берег озера в дальний лес. Нечто о событиях, вызванных щелчком затвора, пропустившего изображение этого ландшафта на пленку средней чувствительности, заряженную в не совсем уже новую дальномерную камеру со слегка поцарапанным матовым металлическим корпусом...

... снова залают собаки. После чего совсем стемнеет.